

Родной язык в школах Чувашии: восприятие ситуации изнутри и извне

А.П. ДОЛГОВА, ведущий научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук, кандидат филологических наук, доцент

При подготовке настоящей публикации была использована часть материалов статьи, вышедшей в свет на страницах журнала Института языкознания РАН и Института перевода Библии «Родной язык» [1]. Но это периодическое научное издание широкому кругу читательской аудитории неизвестно, поэтому возникло намерение поделиться своими мыслями и с читателями журнала «Халăх шкулĕ – Народная школа»; спасибо редакции за предоставленную возможность.

Сохранение и развитие языка зависит от множества условий. К социальным факторам, влияющим на языковую ситуацию, относятся демографические параметры (численность населения, говорящего на том или ином языке, способ расселения, возрастная дифференциация, уровень образования носителей языка и т. д.), социальная структура и культурные особенности общества (наличие письменных традиций, языковые контакты и т. д.) и др. Различные общественные институты и организации, ценностные ориентации и интересы, потребности и установки членов общества также выступают в качестве социальных факторов изменения в обществе.

В этом ключе в качестве социального фактора выступает и образование, так как факт представления того или иного языка в образовании сам по себе уже является определенным показателем, от него в значительной степени зависит витальность (жизнеспособность) языка, потому что это влечет за собой развитие различных функций и стилей языка, совершенствование терминологии и т. п.

Общеобразовательная школа была и остается одним из условий, обеспечивающим функционирование письменной речи, непрерывность письменной традиции, сохранение и развитие не только языка, но и культуры в целом. Хотелось бы обратить внимание на некоторые моменты ситуации с родными языками, в частности с чувашским языком, связанные со школьным образованием.

В течение большей части прошлого столетия чувашский язык как предмет обучения в качестве родного был представлен в школах сёл с чувашеязычным населением не только в Чувашии, но и в ряде районов Татарской и Башкирской республик, Ульяновской и Самарской областях, в первой половине XX в. – местами еще на территории современных Саратовской, Пензенской, Оренбургской областей и Сибири. Тогда абсолютное большинство чувашей были сельчанами, семьи – чаще многодетными, ученические коллективы школ соответственно были большими. Общественное мнение сельских сообществ в основном было традиционное, незнание языка и культуры своего народа порицалось; но при этом поощрялось владение русским языком, приветствовалось в целом знание языков живущих по соседству народов.

До 1980-х гг. шло поэтапное сужение функций чувашского языка в школьном образовании: после 1917 г. он был практически повсеместно представлен как язык обучения, затем постепенно его пространство в общеобразовательной школе сузилось до предмета изучения, за исключением начального образования в сельских школах Чувашии и некоторых районах Татарии. В городских школах преподавание чувашского языка до середины 1980-х гг., можно сказать, в полной мере практически не внедрялось (за исключением единичных случаев в отдельные периоды); впрочем, такая картина сложилась к 1980-м гг. во многих республиках РСФСР.

С принятием Закона Чувашской Республики «О языках в Чувашской Республике» в 1990-е гг. начался процесс ввода его преподавания почти во всех школах республики. Буквально одновременно с этим произошли переломные изменения в экономической, общественной и правовой жизни страны. Из результатов этих процессов хотелось бы обратить внимание на те, которые, на наш взгляд, оказали наиболее существенное влияние на сложившуюся к

сегодняшнему дню ситуацию с чувашским языком:

– резкий переход «на рельсы рыночной экономики», в результате чего сложилось более прагматичное, по сравнению с предыдущими десятилетиями, отношение к получению образования;

– стремительное сокращение рождаемости, особенно в сельской местности, неуклонное уменьшение из года в год числа Детей в селах и деревнях;

– безработица на селе и отсутствие перспектив для молодежи;

– пресловутая оптимизация, коснувшаяся, прежде всего, сельских школ, ведь по причине малочисленности учащихся в первую очередь закрываются сельские школы. При этом нередко бывает, что дети попадают в школы с русским языком обучения и теряют возможность изучения родного языка и литературы (статистика приведена в статье Ю.Н. Исаева [2]). Как известно, при отсутствии глубокого и всестороннего изучения языка в школе невозможно дальнейшее развитие языка (не будет литературы, печати, театра и т. п., некому будет заниматься научным исследованием языка и задачами его стандартизации);

– изменения в федеральном законодательстве в области образования, которые привели к затруднениям в регионах (по преимуществу к организационным и финансовым), связанным с регистрацией учебных программ в федеральном реестре и включением учебников по родным языкам в перечень рекомендованных.

Можно перечислить еще множество явлений, и все они в итоге прямо или косвенно, явно или скрыто оказали влияние на этническое и языковое самосознание (или, в современной терминологии, на этническую и языковую идентичность) чувашей. Главным образом значительно изменилась мотивация к изучению языка, что отражено и в концепции преподавания родных языков народов России, утвержденной Коллегией Министерства просвещения Российской Федерации 1 октября 2019 г. В разделе «Проблемы мотивационного характера» этой концепции в качестве факторов, влияющих на появление и рост интереса к сохранению и изучению языков, названы социально-экономические, демографический, социально-психологический, лингвистические, психолого-педагогические.

Данные последних переписей населения и специальные исследования в регионах однозначно свидетельствуют о неуклонном уменьшении числа говорящих на языках народов России. Одна из причин – постоянно нарастающий процесс «ухода» языков из школьного образования (особенно в последние 10–15 лет). А на фоне изменений в правовой сфере, относящейся к праву выбора родного языка и в качестве предмета обучения, и в качестве языка обучения, в последние два-три года роль общественного мнения возросла в разы. Ведь право родителей выбирать родной язык в качестве предмета, предоставленное Федеральным законом № 317, подписанный Президентом России В.В. Путиным 3 августа 2019 г., реализуется путем

написания родителями заявления в образовательное учреждение, которое будет посещать их ребенок (изменения, произошедшие в Чувашии до и после этого закона, проанализированы еще в одной нашей статье [3]). Это фактически означает отмену обязательного изучения в школе языков народов России, кроме русского, независимо от, условно говоря, «этнической принадлежности» обучающегося. Возврата к обязательному изучению чувашского языка каким-то императивным решением со стороны государственных структур в ближайшее время ожидать, видимо, не стоит. Следовательно, возрастает роль общественных организаций, семьи, творческой интеллигенции, педагогического и гуманитарно-научного сообщества и т. д. Об этом пишут и специалисты, занимающиеся проблемами образования: «...улучшение языковой ситуации в регионах РФ и решение языковых проблем не может быть достигнуто только совершенствованием нормативно-правовой базы без социальной ответственности и активной роли самих народов. Поэтому одним из главных ресурсов сохранения и развития родных языков является усиление роли институтов гражданского общества, семьи и конкретных людей» [4].

Огромное значение на этом фоне приобретает информационное пространство, формирующееся вокруг данного вопроса. Нельзя недооценивать роль влияния информации на общественное сознание, постараемся подробнее осветить эту тему – тему информации о ситуации с родными языками народов России в общеобразовательной школе.

В течение последних двух-трех десятилетий по поводу родных языков со стороны федеральных экспертов (а вслед – представителей различных сфер общества: чиновников, ученых, политиков, общественных деятелей) исходит информация нескольких типов:

1) заявления о необходимости сохранения и развития языков народов России, о мерах, принимаемых для этого;

2) сообщения о росте численности обучающихся на этих языках, о расширении распространенности их в качестве языка обучения в средних и старших классах (то есть в основной и средней общеобразовательной школе);

3) утверждения о расширении функций языков народов России за счет ущемления русского (об увеличении количества часов в школе, выделяемых родным языкам, за счет сокращения уроков русского; о том, что русскоязычным детям преподают на «титულных» языках регионов), о жалобах населения в различные инстанции по этой причине;

4) выводы о негативных последствиях данных процессов для государства и гражданской идентичности россиян, для общества в целом и для учащегося в частности.

Высказывания первого типа носят чаще всего официальный характер; сами по себе они не вызывают вопросов, видимо, ни у кого. По крайней мере,

каких-либо открытых возражений не порождают, споры вокруг них не возникают. Они присутствуют в официальных документах, в публичных выступлениях руководителей различного уровня, средствах массовой информации и т. д.

Ко второй группе можно отнести многочисленные утверждения о значительном улучшении положения языков в связи с расширением их функций в образовании. Чаще всего говорится о предоставлении широких возможностей родным языкам, о появлении большого количества школ, в которых на родном языке можно получить не только начальное общее образование, но и среднее общее образование. В течение нескольких лет ряд столичных авторитетных ученых в своих публикациях пишет о том, что чувашский язык (наряду еще с несколькими языками народов России) является языком обучения (а не просто предметом изучения!) вплоть до 11 класса. Так, в экспертном докладе 2008 г., подготовленном доктором исторических наук, действительным членом Российской академии наук В.А. Тишковым, кандидатом исторических наук В.В. Степановым, доктором исторических наук Д.А. Функом и кандидатом биологических наук О.И. Артеменко и представленном на сайте Государственной думы, указано: «В старших классах школы языками обучения являются: алтайский, башкирский, бурятский, марийский (луговой), татарский, удмуртский, чувашский, эвенкийский, юкагирский, якутский». В докладе приведена таблица «Статистические сведения, характеризующие функционирование родных языков (кроме русского) в системе общего образования (по данным на 2005/06 учебный год)», в ней чувашский язык представлен как язык обучения (подчеркнем: не предмет изучения!) в 571 школе, указана численность учеников в них, в том числе в 5–9 классах – 3 148, в 10–11 классах – 386. Подобные данные приводятся и в научных публикациях О.И. Артеменко и кандидата исторических наук, члена-корреспондента Российской академии образования М.Н. Кузьмина (2017), кандидата исторических наук А.Л. Арефьева (2017), доктора педагогических наук С.А. Боргоякова (2017), доктора исторических наук М.Ю. Мартыновой (2019), доктора филологических наук В.Ю. Михальченко (2019) и ряда других.

Вероятнее всего, такие сведения авторы перечисленных цитат почерпнули из официальных источников. Так, ресурс «Открытые данные» Министерства просвещения Российской Федерации представляет «Сведения о распределении учреждений, реализующих программы общего образования, и обучающихся по языку обучения и по изучению родного (нерусского) языка» – сводную информацию, составленную из данных, предоставляемых ежегодно органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Судя по этим материалам, в 2018 г. (на начало 2020 г., когда мы обратились к этим данным, были представлены сведения на 2018 г., дата последнего внесения изменений – 8 февраля 2019 г.) на чувашском языке

получали образование с 1 по 11(12) класс всего 9004 обучающихся сельских школ (видимо, в Чувашской Республике), в том числе в учреждениях начального общего образования (1–4 классы) – 7991, основного общего образования (5–9 классы) – 920, среднего общего образования (10–11/12 классы) – 93 ученика. Получается, по данным вполне официальных источников, в Чувашии есть школы, в которых все предметы преподаются на чувашском языке?

Да и выкладываемые в общий доступ материалы на местном уровне также не всегда однозначны. Так, в публичном докладе Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики о деятельности системы образования Чувашской Республики за 2011/12 учебный год было указано: «В чувашских национальных школах созданы условия для получения на родном языке – образования дошкольного, начального общего, основного общего». Отчет за 2016 г. показывает, что в том году в республике функционировало 260 (57,1%) школ с чувашским языком обучения. Все-таки, на наш взгляд, фраза «школа с чувашским языком обучения» и сопровождающая их статистика требуют уточнений, так как в таких случаях речь идет о школах с преподаванием предметов (или основной части предметов) на родном языке *только* в начальных классах.

Казалось бы, указанные данные сами по себе должны восприниматься как успех в деле сохранения и развития языков народов России, если, конечно же, «не замечать» их недостоверности. Однако, как увидим далее, настойчивое повторение такой информации в разных публикациях (особенно на общероссийском уровне) привело к неожиданным последствиям. К неожиданным, по крайней мере, для нас – людей, живущих в республиках и владеющих информацией о реальном положении.

Третья группа высказываний о языковой ситуации в образовательных организациях, касающихся в числе других регионов и Чувашии, содержит сведения о вытеснении русского языка в республиках и об ущемлении прав их жителей. Так, в одной из публикаций 2019 г. Чувашия указывается в числе республик, в которых до июля 2017 г. фиксировалось «уменьшение часов русского языка», отмечается, что «самое большое количество жалоб родителей школьников на принудительное обучение национальному языку и уменьшение часов русского языка зафиксировано в Татарстане, Башкортостане, Якутии и Чувашии»; далее здесь же утверждается, что в старших классах школ России языком обучения (заметьте: не предметом изучения) был ряд языков (в том числе чувашский) [5]. О жалобах почти теми же фразами пишет и другой автор: «...самое большое количество жалоб родителей школьников на принудительное обучение “титульному” языку и уменьшение часов русского языка было зафиксировано в Татарстане, Башкортостане, Якутии и Чувашии» [6].

Всё это идет без конкретизации информации по

регионам и по количеству жалоб (хотя бы приблизительно – единицы, десятки, тысячи?). Мы не берем на себя смелость рассуждать о ситуации с языками в других республиках, но корректность информации по поводу Чувашии и чувашского языка в различных источниках (экспертных, научных, официальных, газетных) нередко вызывает сомнения.

Встречаются и более обширные обобщения о последствиях расширения (зачастую мнимого) функций «титulyных» языков. Так, по мнению О.И. Артеменко и М.Н. Кузьмина (2017), «повышение статуса титульных языков республик изменили прежний баланс распределения часов в структуре филологического блока учебного плана», произошли деформация «структуры языковой подготовки русскоязычных учащихся, в т. ч. и этнических русских», и «ослабление знаний русского языка как государственного языка Российской Федерации», «низкий балл ЕГЭ по русскому языку <...> это объективный показатель процессов, протекающих в обществе». Подобные рассуждения не только создают проблемы с объективностью отражения ситуации, но и приводят к некорректным, но далеко идущим выводам, относящихся к уже более серьезным (чем баллы ЕГЭ) сферам жизни общества: «В школах, где преподается какой-либо национальный язык, сокращается количество часов на преподавание русского. <...> именно русский язык часто оказывается ущемленным. Его статус принижается» («Российская газета» от 5 июля 2011 г., интервью О.И. Артеменко); «Доминанта, выстроенная в содержании языкового образования (изучение языков из числа языков народов России) на формирование этнического самосознания, начиная с дошкольного образования, практически всегда приводит к противоречиям и межнациональному напряжению в многонациональном обществе» (из опубликованного доклада О.И. Артеменко на форуме молодых ученых в Саратове в 2018 г.) и т. д. и т. п.

Информация, репрезентированная в основном в научных и экспертных публикациях, затем неоднократно озвучивалась чиновниками разного уровня. Также тиражировалась средствами массовой информации, в их числе встречаются и очень популярные – «Коммерсантъ», «Комсомольская правда», «Газета.ру» и другие. При этом СМИ, соблюдая свои «правила», не скупятся, сгущая краски; для примера приведем только одну цитату: «Что в России сегодня может хотя бы призрачно обеспечить всем равное будущее? Равные возможности к образованию. У людей, стартующих не с русского языка, этих возможностей меньше. Потому что пока эвенк будет тратить время на освоение русского до уровня родного, русский ребенок научится решать задачи олимпиады по физике» (новостное интернет-издание «Газета.ру»). Весьма красноречивы даже заголовки – ««Я русский бы выучил, да не дают»: почему в национальных республиках России притесняют общегосударственный язык», «Малым народам – малый язык».

Как видим, с объективностью информации, особен-

но в общероссийском масштабе, о ситуации с языками в этнических регионах не всё ладно.

А ведь вся эта картина иногда перетекает в другую плоскость. И время от времени возникают такие прецеденты, как первоначальный проект «Концепции преподавания русского языка и литературы в общеобразовательных организациях Российской Федерации» (разработанный рабочей группой при председателе Государственной думы России, одобренный на заседании этой группы и вынесенный на широкое общественное обсуждение 29 октября 2015 г.). В этом проекте причиной части проблем с русским языком (и не только) в современном российском обществе было названо как раз увеличение общего образования на родных (не русском) языках. Например, в нем встречались фразы: «на сегодняшний день более 4 тыс. школ РФ дают образование не на русском языке, что ставит граждан России в неравные условия. Игнорирование данной проблемы неизбежно приведет к ситуации утраты языкового единства государства, усилению социального расслоения и нарастанию напряженности, что является прямой угрозой национальной безопасности»; «наиболее рациональной и эффективной является такая организация образования, при которой обучение основным предметам образовательной программы ведется на русском языке с начального этапа на всей территории Российской Федерации». Конечно же, в окончательном варианте концепции этих положений уже нет, но на основе каких данных они вообще появились?

К этой же серии относится история с «выявлением» в начале 2016 г. экспертами рабочей группы «Образование и культура как основы национальной идентичности» Общероссийского народного фронта пробелов в законодательстве некоторых республик. Из-за этих пробелов школьники в девяти регионах страны якобы могут быть лишены возможности получать образование на русском языке, так как, по мнению членов экспертной группы, на местном уровне законодательно не закреплены гарантии обучения на государственном языке России. Члены ОНФ отметили, что в ряде субъектов РФ, среди которых названа и Чувашия, обучение в школах идет на каком-либо местном языке, а русский входит лишь в число изучаемых предметов; следовательно, в них закон соблюдается лишь формально, из-за чего, по их мнению, выпускники школ не получают хороших знаний государственного языка Российской Федерации. Всё это можно найти и прочитать в Интернете и сегодня.

Мы не можем судить обо всех республиках и всех языках, указанных в качестве языка преподавания в средней школе (хотя факт преподавания, к примеру, физики в 11 классе, скажем, на юкагирском языке лично у меня вызывает большие сомнения), но в Чувашии с советских времен в вопросе языка обучения в школе в пользу чувашского языка практически ничего не изменилось (как было в начальной школе, иногда с охва-

том частично 4-го класса, который тогда к начальному звену не относилось, так всё и осталось). Обучение, например, таким предметам, как история и биология т. д., на чувашском языке имело место только до первой половины 1960-х гг., и то только по 8-й класс, а преподавание математики, физики, химии – по 7-й класс. С этого времени в основной и средней школе преподавание ни гуманитарных, ни естественно-технических дисциплин на чувашском языке не велось, за исключением самих предметов «чувашский язык» и «чувашская литература». Даже наоборот: численность обучающихся на чувашском языке за это время значительно сократилось.

Если же учесть, что об увеличении функций родных языков в образовании пишут чаще всего в отношении лишь нескольких республик (Татарстана, Башкортостана, Саха-Якутии, Чувашии, иногда Бурятии и Тувы), а еще и то, что по данным последней переписи русские составляют почти 81% к указавшим национальность, хочется спросить: кому и чем мешает обучение родным языкам? Обвинения республик в ухудшении положения русского языка в российском обществе, на наш взгляд, звучат совершенно не по адресу.

Ситуация в таких субъектах федерации, как Чувашская Республика, никак не могла «понизить» уровень его (субъекта. – А.Д.) связи с русским языком и культурой, сделать школу фактором культурной автономизации этноса, использовать школу как инструмент этнической мобилизации молодежи...» [7]. Опять же – об этом свидетельствуют те же данные переписей, а также ряда исследований, проведенных как на республиканском, так и на российском уровне.

О необходимости выявления объективной картины языковой ситуации в субъектах Российской Федерации постоянно обсуждаются специалистами разных уровней и отраслей. Отсутствие целостной информации и в регионах, и в центре зачастую действительно не дает приходиться к правильным выводам. Хотя разговоры о проведении различных анкетирований, опросов, обследований, мониторингов постоянно на слуху, до действительного прояснения реального положения, как видим, далеко.

К уже имеющимся в научных учреждениях Москвы (Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям в Институте языкознания РАН; Научно-исследовательский центр национальных проблем образования Федерального института развития образования РАНХиГС) в 2018–2019 гг. добавилось еще несколько структур, ставящих задачу изучения ситуации с языками народов России. Создан Фонд сохранения и изучения родных языков народов Российской Федерации, открыт Институт развития родных языков народов Российской Федерации в структуре Центра реализации государственной образовательной политики и информационных технологий. Хотелось бы, чтобы сотрудники этих организаций обратили внимание не только на языки малочисленных народов Крайнего Севера

и Сибири, находящиеся на грани исчезновения, но и оказали поддержку (необязательно финансовую) еще жизнеспособным языкам. Но важнее другое – чтобы эти организации теснее сотрудничали со специалистами из регионов; ведь знание ситуации «изнутри» очень часто может помочь объективной оценке «со стороны».

В конце статьи вернемся к роли общественных факторов, влияющих на сохранение чувашского языка и многоязычия в России (ведь сохранение и поддержка этнокультурного и языкового многообразия Российской Федерации, традиционных российских духовно-нравственных ценностей как основы российского общества провозглашено как одна из целей государственной национальной политики; см.: «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», утвержденную 19 декабря 2012 г.). В современных условиях огромная роль в сохранении родного языка и традиционной культуры отводится старшему и среднему поколению носителей языка, в разы возросло значение отношения к этой проблеме семьи, общественных организаций, общества в целом. Назрела необходимость довести до сведения этих институтов информации о реальном положении дел. Очень важно владеть достоверной информацией; заниматься, как говорили в XIX веке, просветительством (например, довести до общественности, что дву- и многоязычие не помеха в получении образования и выстраивании карьеры, а является преимуществом); педагогам, творческой и научной интеллигенции показать личным примером, что чувашский язык можно и нужно передать последующим поколениям... Конечно же, это не исключает использование правовых и других ресурсов, предоставляемых государством.

ЛИТЕРАТУРА

1. Долгова А.П. Об изменениях в ситуации с родными языками в школах Чувашии: взгляд из региона // Родной язык: лингвистический журнал. – 2020. – № 1. – С. 25–48. Режим доступа: https://rodiaz.ru/pdf/20-1/RD_20_1_Dolgova.pdf#zoom=150
2. Исаев Ю.Н. Состояние и перспективы развития системы образования Чувашской Республики // Образование: теория, методология, опыт. – Чебоксары, 2019. – С. 9–10, 13.
3. Бойко И.И., Долгова А.П., Харитонова В.Г. Реализация языковой политики в школьном образовании Чувашской Республики (конец 1980-х – 2019 гг.) // Вестник антропологии. – 2019. – 4 (48). С. 56–75.
4. Борговиков С.А. Состояние и перспективы родных языков в российской системе образования // Наука и школа. – 2017. – № 6. – С. 28.
5. Мартынова М.Ю. Языковое богатство России в аспекте федеральной политики и региональных инициатив // Измерение культурного многообразия. Языковая ситуация, переписи, полевая этнолингвистика. – М., 2019. – С. 10, 15.
6. Тишков В.А. Языковая ситуация и языковая политика в России (ревизия категорий и практик) // Полис: политические исследования. – 2019. – № 3. – С. 138.
7. Артеменко О.И., Кузьмин М.Н. Современная языковая образовательная политика и языковая ситуация в России // Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности: этнокультурная и этноязыковая ситуация – языковой менеджмент – языковая политика. Кн. 3. М., 2017. – С. 124.